

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2

EDN: WHXFZF

Исследование религии в контексте современной секуляризации: поиск подхода¹

Ссылка для цитирования: Смирнов М. Ю. Исследование религии в контексте современной секуляризации: поиск подхода // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 13–27. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2; EDN: WHXFZF.

For citation: Smirnov M. Yu. Research of religion in the context of modern secularisation: search for an approach. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 13–27. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2; EDN: WHXFZF.

Смирнов Михаил Юрьевич^{1,2}

¹Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия;

²Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия
mirsnov@yandex.ru

SPIN-код: 5092-9240

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы проблематики научной дискуссии о современной секуляризации и постсекулярности, которая ведется в последнее время среди российских исследователей религии. Как участник этой дискуссии, автор принимает обсуждавшийся в ее ходе тезис о необходимости пересмотра некоторых прежних трактовок религии и формирования новых методологических установок, соответствующих реальному состоянию религиозных сообществ в современном мире. В то же время, в статье высказана критика в адрес использования ссылок на суждения авторитетных зарубежных исследователей как на убедительный аргумент для доказательства реальности так называемого постсекулярного общества. Автор признает, что идея постсекулярности может быть одним из элементов научного дискурса о современной трансформации религий. Но эта идея не убедительна при ее сравнении с уточненными теориями секуляризации, которые и в наши дни имеют достаточно эмпирических подтверждений. Обращаясь к методологической проблематике, автор предлагает ряд гипотетических положений в отношении исследовательского подхода к современному состоянию религии. Особое внимание уделяется двум ситуациям. Первая из них состоит, по мнению автора, в определяющем влиянии на религиозные организации современного секулярного государства – в этих условиях религиозная жизнь общества с необходимостью интегрируется в политику государства, подчиняясь основным целям этой политики. Поэтому исследование должно учитывать прежде всего секулярный контекст существования религиозных объединений. Вторая ситуация сопряжена с первой,

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 24-28-00272.

она заключается в маргинализации доктринального содержания религий и в его заметном замещении внешней конфессиональной маркировкой как знаком гражданской идентичности, при диффузии вероучительных основ религиозных традиций. Автор делает вывод, что благодаря секуляризации религиозная среда, либо вынужденно, либо охотно, осваивает языки светской культуры и политики, говорит на этих языках и потому становится более понятной – причем не только для исследователей, но и для себя самой. Для научного подхода это открывает перспективу осмысления секулярного существования религий.

Ключевые слова: государство и религиозные организации, научное исследование религий, постсекулярность, постсекулярное общество, секуляризация

Поводом для написания данной статьи стало участие автора в научной дискуссии о современной секуляризации и постсекулярности, которая ведется в последнее время среди российских исследователей религии [1; 2; 4; 8; 9]. Среди возникших по ходу этой дискуссии теоретико-методологических задач появилась необходимость определения существующего на данный момент состояния религий, в котором обнаруживаются одновременно модернизм и консерватизм, экуменические и фундаменталистские тенденции. Иными словами, научное значение имеет точное установление социокультурного и мировоззренческого контекста, в котором ныне пребывают, эволюционируют, претерпевают трансформации, стремятся к экуменическому расширению или же препятствуют ему на основе фундаменталистских настроений современные религиозные сообщества.

В этой связи принципиально важной представляется научная полемика, идущая в профессиональной среде отечественных исследователей религии, о **секуляризации** в современном мире. В последнее время активно велись и, по всей видимости, будут продолжаться дискуссии по таким темам как реальные или воображаемые перспективы секуляризации, достоверность или фиктивность постсекулярного общества, секуляризм и постсекуляризм, десекуляризация и контрсекуляризация, гибридизация и бриколажи в современной религиозности, публичность и приватность религий – тематический ряд можно продолжить.

Своего рода контрапунктом таких дискуссий стала, на мой взгляд, тема **постсекулярности**. В дебатах на эту тему происходит одновременное сочетание разных по смыслу объяснений, которые претендуют на самостоятельное значение, но не могут быть представлены без соотнесения друг с другом. Из всего спектра оттенков в трактовках постсекулярности выделяются три наиболее заметных: (1) это – новое отношение к религии в обществе, возникающее взамен секулярного отношения и наступающее как следующая стадия (поэтому оно – *пост*) в силу завершения секуляризации; (2) это – противостояние продолжающейся секуляризации и активное противодействие ей в форматах десекуляризации и контрсекуляризации; (3) это – смена стратегий осмысления религии, поскольку в современном

мире оппозиция «религиозное vs светское» перестает быть функциональным инструментом объяснения мировоззренческих и социокультурных трансформаций.

Ознакомление с проблематикой постсекулярности зачастую начинается с отсылки к суждениям трех заслуженно авторитетных зарубежных исследователей. Одному из них, Питеру Бергеру, почившему в 2017 г. и уже признанному классическим автором, принадлежит широко тиражируемый тезис в публикации 1999 г. о том, что «сегодня мир, за некоторыми исключениями ... столь же яростно религиозен, как и был всегда» [15, р. 2]. Ссылка на этот тезис как бы подчеркивает, что даже сам Бергер, некогда известный как ведущий теоретик секуляризации (со времен труда 1967 г. «Священная завеса»¹), признал переход общества к *десекуляризации*. В пандан этой позиции приводятся ссылки на труды другого, здравствующего ныне, научного авторитета – Юргена Хабермаса, предложившего для публичного дискурса о религии концепт *постсекулярного общества* [19²]. Научная известность Хабермаса незримо влияет даже на тех, кто не готов безоговорочно признать постсекулярное общество как реальность. При этом сам он предварил изложение указанного концепта существенными уточнениями, как раз не обязывающими к такому признанию [18]. Наконец, следует назвать Хосе Казанову, указание которого на «возвращение» религии в публичное пространство современного мира [16], хотя и не отменяет, но как бы снижает социальное значение прежде установленных теоретиками секуляризации феноменов «приватизации религии» и «приватизации веры».

И Бергер, и Хабермас, и Казанова, конечно, проницательнее многих, кто цитирует их труды, и взгляды этих авторов не столь просты, как хотелось бы для привлечения их суждений на свою сторону в качестве *ultima ratio*. Секуляризацию они никогда не сбрасывали с «корабля современности» (см.: [5; 14; 17]). Но именно поэтому – напряженно искали (то в резко политизирующемся исламе, то в усилении религиозного фундаментализма, то в глобально распространяющемся пятидесятничестве и евангелизме, то в упадке «воинствующего атеизма» на постсоветском пространстве) эмпирическую реальность, которая бы позволила приблизиться к пониманию того, что же происходит с религией в современном мире.

Думаю, что пример их исканий побуждает исследователей религии не хвататься за то, что видится на поверхности (в информационном потоке «презентаций» на тему религии), а стремиться обнаружить и исследовать имплицитные процессы. Очевидно, нужны новые теоретико-методологические подходы к трудным ситуациям религии в условиях современности.

¹ Berger P. The Sacred Canopy. Elements of a Sociological Theory of Religion. N. Y.: Doubleday & Company, 1967; русский перевод: Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / Пер. с англ. Р. Сафронова. М.: НЛО, 2019. 208 с.

² Русские переводы см.: Хабермас Ю. «Постсекулярное общество» – что это? / Пер. с нем. М. Кронауэр // Российская философская газета. 2008. № 4(18), апрель; Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное общество» – что это такое? / Пер. с нем. И. Фридмана // Русский журнал. 23.07.2008. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma>

Проблемное поле отечественных дискуссий

Теоретизирование на тему секуляризации, ее мотивов, содержания и последствий сопутствует отечественным исследованиям религии второй половины XX – начала XXI вв. В советский период эти вопросы рассматривались в контексте политико-идеологической установки на «преодоление» и «отмирание» религии по мере развития социализма (об этом см.: [7; 13]). В постсоветское время происходила ревизия «истматовских» теоретических позиций и их маргинализация в научном дискурсе, стимулированная идеологическим тезисом о так называемом «возрождении религии» в Российской Федерации¹, вроде бы опровергавшим результаты секуляризации. Дополнительную аргументацию критической трактовке секуляризации российские авторы черпают в разработках зарубежных исследователей, предлагавших пересмотр теорий секуляризации, и если не полный отказ от этих теорий, то выстраивание альтернативных им моделей десекуляризации, публичности религий, в конце концов – постсекулярности и постсекулярного общества (обзор современных концепций см.: [6; 10; 12]).

Однако ситуация с религией в современном мире последних трех десятилетий – и в региональных, и в собственно российском масштабах – не дает убедительных оснований для категорического вывода о завершении секуляризационных процессов и возвращении религии на роль ведущего мировоззренческого фактора развития общества. Поэтому и противоречивое теоретизирование по всему спектру проблем под рубрикой «секуляризация/десекуляризация/постсекулярность» продолжается, уже все чаще – с указанием на неоднозначность конкретных процессов и явлений, равно как и соответствующих трактовок и выводов. На эту неоднозначность обращают внимание и зарубежные, и российские исследователи [2; 20; 21]. По существу, одни и те же явления в религиозной жизни современного общества, рассматриваемые в разных системах теоретических координат, зачастую объясняются противоположным образом [5].

Можно, конечно, полагать, что такая «гетеродоксия» полезна для научной мысли, побуждает к исследовательскому поиску и выработке более убедительной аргументации. Однако расхождения в «прочитывании» изучаемых явлений и их толковании не носят исключительно академический характер. Неявным образом они могут интегрироваться в политическое мышление, проявляться в публичной идеологической полемике, отражаться на направленности правовых установлений, влиять на общественные умонастроения. Если это действительно так, то преодоление теоретической неясности в интерпретациях современного состояния религий приобретает не только научное, но и социальное значение.

Недавний виток отечественных дискуссий был инициирован в ноябре 2022 г. редколлегией научного журнала «Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Фило-

¹ 1 Путин связал возрождение религии в РФ с отказом от коммунистической идеологии // Интерфакс. 2017. 14 июня. URL: <https://www.interfax.ru/russia/566495> (дата обращения: 07.11.2023).

софия. Религиоведение». Своего рода триггером выступило обсуждение рядом участников редколлегии одной из статей¹, посвященной «феноменам постсекулярного бриколажа». Результатом активного обмена мнениями стала постановка трех основных вопросов, требующих концептуального осмысления: (1) Являются ли *теории секуляризации* (с учетом их известных корректировок) адекватными современному состоянию религий? (2) Насколько понятие *постсекулярное общество* отражает эмпирическую реальность религии в современном мире? (3) Что дает для научного понимания религий концепт *постсекулярного* и чем такое понимание будет различаться с трактовками в рамках теорий секуляризации? [1, с. 138].

Публикация материалов этой дискуссии не прошла незамеченной в профессиональной среде исследователей религии. На Всероссийской конференции с международным участием «Религиозные и секуляризационные процессы в интеграции современных обществ»² тематика постсекулярного обсуждалась весьма активно. Наиболее обстоятельными в этом плане представляются доклады Л. В. Денисовой и А. А. Морозова «Постсекуляризм в современной России: опасности и перспективы» [4] и Е. Д. Руткевич «О современном мире, (не) религиозном разнообразии и постсекулярной перспективе» [9]. Оба доклада, среди прочего, содержат развернутую реакцию их авторов на дискуссию, начатую в редколлегии Вестника ПСТГУ, и, по сути, продолжают ее. Автору данной статьи также довелось выступить с докладом под названием «Концепт постсекулярности как симулякр». Уже сами названия докладов указывают на полемический характер обсуждения.

Почти синхронно с мероприятием в ИДИ ФНИСЦ РАН состоялась ежегодная конференция в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете «Исследования религии: прошлое, настоящее, будущее», в рамках которой был проведен круглый стол «Оправдалась ли концепция постсекулярного?», приуроченный к 15-летию стамбульского доклада Юргена Хабермаса «Против воинствующего атеизма». Это обсуждение было еще более полемичным, обозначив расхождение научных позиций³.

С одной стороны, была представлена концептуализация идеи постсекулярности как необходимой новой эпистемологической установки для понимания места и роли религии в трансформирующемся социуме; по мнению сторонников, идея эта имеет несколько вариантов «генеалогии», а ее соотнесение с социальной реальностью находит подтверждение в различных гибридах религиозного и светского, причем гибридизацию предлагалось рассматривать и как постсекулярность, и как пострелигиозность.

С другой стороны, указывалось на отсутствие той эмпирической реальности, которая убедительно свидетельствовала бы об исчерпанности именно секуляризационных процессов и о становлении постсекулярного

¹ 1 См.: Гипп К. С. Реконструкция и реинтерпретация как феномены постсекулярного бриколажа // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 105. С. 117–134.

² Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, 18 апреля 2023.

³ Проводилась 22 апреля 2023 г. на базе редколлегии журнала «Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение», при участии кафедры философии и религиоведения ПСТГУ и сектора философии религии ИФ РАН. Подробнее см.: [8].

общества; при этом подчеркивалось, что секуляризация выступает как неизбежная реструктуризация религиозной жизни в условиях ее дискретной адаптации к перманентным социокультурным изменениям, отчего носит нелинейный характер.

Между этими крайними точками зрения обозначился широкий диапазон трактовок конкретных явлений религиозного и светского, которые трудно редуцировать к крайним точкам обозначенной поляризации. Пожалуй, в чем участники дискуссии были близки, так это в признании проблемности соотнесения реальности с описывающими ее концептами. Очевидным результатом стало согласие относительно методологической необходимости развивать язык научного описания обнаруженных явлений.

Не преувеличивая значения состоявшихся обсуждений, можно, тем не менее, утверждать, что это – фактически одна из немногих профессиональных дискуссий в среде исследователей религии за последнее десятилетие, получивших относительно широкую известность¹. А если иметь в виду полемический характер этой дискуссии, где участники порой непосредственно спорили друг с другом (от чего многие, прямо скажем, отвыкли), то она заметно отличается от привычного формата зачитывания почти не обсуждаемых докладов, нейтрального обмена мнениями и информирующих выступлений, в котором проходит большинство научных конференций.

Для автора эта длящаяся дискуссия стала поводом уточнить и обобщить собственные размышления над темой, что отражено в статье «Перманентная секуляризация или постсекулярное общество? Современные трансформации религии в ракурсе исследовательской рефлексии» [11]. Среди выводов в этой статье – согласие с точкой зрения, согласно которой требуется пересмотр некоторых прежних трактовок и формирование новых методологических установок, соответствующих реальному состоянию религии в современном мире. В этом ракурсе концепция постсекулярности вполне уместна как рабочая гипотеза. Тем не менее, эта концепция, по мнению автора, не находит эмпирического подтверждения и остается сродни симулякру. Реальные процессы трансформации религий отражает понятие *секуляризации*, которое должно оставаться, при внесении ряда уточнений, инструментом в исследованиях современного состояния религиозных сообществ. Смысл современной секуляризации видится в реструктуризации религиозной сферы общества: это – не «упадок религиозности» или исчезновение веры в Бога (которые по-прежнему находят место в частной жизни), но функциональное изменение религиозных институтов, которые встраиваются в светские системы внутренней и внешней политики, социальных отношений, образования и воспитания, и адаптируются к этим системам.

Тема эта столь пространная, что по ходу ее осмысления неизбежно возникают дополнительные вопросы, требующие обсуждения. Позволю себе предложить вниманию коллег размышление над двумя из таких вопросов – о влиянии на религиозные организации современ-

¹ В социальной сети ВКонтакте видеозапись этого круглого стола со времени ее появления 20 мая по конец декабря 2023 г. набрала свыше 2500 просмотров.

ного секулярного государства, и о возможном исследовательском подходе к религии в секулярном обществе, обладающим наибольшим эвристическим потенциалом.

Государственное и религиозное в контексте секулярного общества

В дискурсе о религии в современном секулярном обществе тема «государство и религиозные организации» является одной из ведущих. В отечественных публикациях применяется термин «государственно-церковные отношения»¹. В зарубежной литературе этот термин также принят, хотя указываемые им субъекты взаимодействия чаще располагаются в другом порядке – Church-State Relations, Kirche-Staat Beziehungen. При этом под «церковью» подразумевается не конкретный конфессиональный институт в христианстве, а некий обобщающий образ религиозных организаций, вне их привязки к определенным вероисповедным традициям. Детализация этого образа как «буддийской церкви», «исламской церкви», «иудаистской церкви» и т. п. звучала бы явно нелепо в силу ее несоответствия организационному устройству нехристианских исповеданий веры. Поэтому понятие «церковь» наделяется условным светским значением, как синонимичное понятию «религиозные организации».

В связке «государство и церковь»: *государство* – это инстанция, которая разрешает или запрещает, отнимает или предоставляет ... короче говоря, регламентирует положение религиозных организаций; а *церковь* – это не экклезиологическое понятие, но обозначение религиозной организации, что отделена от государства или интегрирована с ним, сопротивляется или сотрудничает, претендует на особое положение или держит нейтралитет в отношении к государству.

То есть, за обоими понятиями подразумеваются два функционально разновеликих субъекта, находящихся друг с другом в каких-то отношениях (дружественных, враждебных или нейтральных – зависит от конкретных обстоятельств). Для их классификации обычно используется концепты интегративной, сепарационной, кооперационной, или же каких-то гибридных моделей государственно-церковных отношений.

Между тем, этот образ взаимоотношений государства и религиозных организаций не отменяет того обстоятельства, что и государство, и эти организации – это *два способа существования одного и того же социального целого*, причем – конечно же, вовсе не исчерпывающие весь спектр способов этого существования. Многомерность социального целого обуславливает

¹ Впрочем, чаще употребляется формулировка «государственно-конфессиональные отношения», которая звучит, по мнению автора, не вполне корректно, поскольку *государство* – это способ организации публичной власти посредством легитимного аппарата управления и принуждения, а *конфессию* принято понимать как исповедание веры, то есть прежде всего мировоззренческое состояние людей вне зависимости от их государственной принадлежности. Фразеологизм «государственно-конфессиональные отношения» может быть оправдан, если государство стремится управлять религиозным мировоззрением населения.

его, так сказать, самоосуществление еще многими иными способами – от экономики и политики до культуры и образования, находящимися в динамике сложных взаимоотношений.

Отвлекаясь от конкретных форм предметной явленности государства и религиозных объединений в современности, полагаю возможным утверждать, что то и другое – это нетождественные аспекты единого сложноустроенного комплекса стратегий массового сознания и поведения, вырабатываемых для организации и осуществления своего жизненного процесса.

Применительно к современности назову этого совокупного субъекта **обществом**, хотя отдаю себе отчет в том, что определить общество еще труднее, чем определить, что такое государство. Отсутствие жестко закрепленного понятия позволяет сформулировать то значение, которое представляется наиболее соответствующим пониманию общества автором статьи. В этом плане под обществом подразумевается совокупность исторически меняющихся способов взаимодействия и форм объединения индивидов, устойчивая в своем качественном отличии от природной среды¹. Такая характеристика не является строгим определением, но позволяет пояснить смысл, вкладываемый в употребляемое понятие.

Повторю, что сочетание «государство и религиозные организации» – это не про *сосуществование* двух разных субъектов, волею судеб столкнувшихся в социальном пространстве, а про *одного* субъекта, по имени *общество*, в разных его состояниях – светском (секулярном) и религиозном, причем в каких-то обстоятельствах это – совмещающиеся состояния. Другими словами, имеют место две стратегии общественного сознания и поведения, институциональным выражением которых выступают светское государство и религиозные организации. Эти стратегии действуют в режиме, говоря языком православной теологии, *неслиянности* и *нераздельности*² друг с другом.

¹ Это представление близко к трактовке *общества* в «Новой философской энциклопедии» (2-е изд., испр. и доп. 2010) – «в широком смысле: совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга; в узком смысле: генетически и/или структурно определенный тип – род, вид, подвид и т. п. *общения*, предстающий как исторически определенная целостность либо как относительно самостоятельный элемент подобной целостности» (Давыдов Ю. Н. Общество // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия). URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH985c392099c0406b945098> (дата обращения: 01.12.2023).

² Имея богословское происхождение, это словосочетание применяется и к религиозно осмысливаемому взаимоотношению Церкви и государства. Как заявил современный церковный деятель, о. Максим Козлов (со ссылкой на суждения А. В. Карташева): «Антиномия сочетания “Царства от мира сего”, государства с Царством Божиим “не от мира сего” переживается в религиозном опыте Православия не как абсурд и парадокс, а как последовательный постулат веры в Боговоплощение: “неслиянное и нераздельное”, то есть иррациональное, но в высшей степени реальное сочетание полюсов бытия... Эта формула разрешает для нас и норму соотношений Церкви и государства, Церкви и общественных структур» (Козлов М., протоиерей. Церковь и государство: историческая ретроспектива и современная ситуация. Доклад на торжественном акте Московской духовной академии 14 октября 2013 года // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/930676.html> (дата обращения: 01.12.2023).

Неслиянность государственной и религиозной институциональностей определяется спецификой мировосприятия. Отвлекаясь от множества теорий религии и теорий государства, позволю себе утверждать, что в «сухом остатке»:

- в фундаменте любой религиозной стратегии – устремленность к так называемым предельным смыслам бытия, которые при этом «размещаются» в чем-то запредельном, сверхъестественном и трансцендентном;
- в фундаменте любой государственной стратегии – упорядочение и организация повседневного жизненного мира людей, регламентация их социального поведения.

Дальше на этих фундаментах нарастает множество всякого, необходимого и случайного, полезного и вредного, привлекательного и отвратительного. История любого государства и любой церкви убедительно подтверждает, банально говоря, неоднозначность их функционирования.

Но для философского умозрения уместно обращение к фундаментальным основаниям. То есть, *религия* дает условную вертикаль; *государство* дает условную горизонталь. В образующейся системе координат и можно рассматривать метаморфозы, происходящие с их взаимоотношениями.

А вот **нераздельность** государственного и религиозного явлена в том, что в обоих этих состояниях совокупный субъект (общество) вырабатывает и использует одно и то же средство для их легитимации и принятия как само собой разумеющихся – это **сакрализация**, наделение сверхобычным и жизненно необходимым значением соответствующих институций и процедур, государственных и религиозных.

Рискну утверждать, что жизнеспособность как государства, так и религиозных организаций, в качестве форм социального целого, зависит от устойчивости их сакральных образов. А устойчивость, в свою очередь, зависит от функционального соответствия этих форм вызвавшим их к жизни социальным, мировоззренческим и психологическим потребностям. Очевидно, что расхождение ожиданий с реальными возможностями влечет не только разочарование и девальвацию, но также ревизию и переустройство. Для государственности десакрализация может обернуться политическим переворотом или даже социальной революцией, меняющими прежний уклад жизни общества. В религиозной сфере риск утраты сакральности касается прежде всего организационных институтов.

Последствием трансформирующейся государственности становится изменение режима существования религиозных организаций, обязывающее их к новым правилам взаимоотношений с государством. Вероучительные формулировки при этом могут оставаться прежними. Но последователи той или иной религии живут уже в других обстоятельствах, что неизбежно побуждает их адаптировать свою веру к новым реалиям. Эта адаптация и влечет за собой реструктуризацию религиозной жизни, от боязливого обновления до секулярности, но может также побудить приверженцев религии к радикальному фундаментализму и отвержению любой религиозной модернизации как ведущей к потере основополагающих начал спасающей веры.

Как ни категорично это прозвучит, можно утверждать, что в конечном итоге религиозная стратегия всегда подстраивается под государственную стратегию. Это, разумеется, нелинейный процесс – многим памятен знаменитый «тезис Вебера» о рождении «духа капитализма» (с соответствующими институтами государства и права) из протестантской этики. Но практически никогда и нигде государство как социальный институт не уступало религиозным организациям тех сфер, в которых оно (государство) конституируется как таковое. А это – ключевые сферы социального бытия (экономика, политика).

Другое дело, что государственность для своей устойчивости обязательно предполагает сакрализацию. А сакральности государства всегда сопутствует оперирование религиозными или же квазирелигиозными символами и образами. То есть, государственный способ существования социального субъекта находит оправдание и востребован не в последнюю очередь как выразитель тех самых «предельных смыслов», которые по-своему присутствуют и в религиозных упованиях. Форма презентации этих смыслов зависит от задач, решаемых посредством государственнической, этатистской стратегии. Например, в виде деклараций о «традиционных духовно-нравственных ценностях» или чего-то подобного по значению.

О возможном исследовательском подходе

Высказанное выше рассуждение необходимо, чтобы пояснить следующую **гипотезу** о возможном исследовательском подходе к религии в секулярном обществе. Я полагаю, что именно через анализ сопряжения государственных стратегий политики в отношении к последователям религий (множественное число не случайно, политики всегда разные, а религиозные объединения далеко не все вызывают к себе одинаковое отношение государства) со стратегиями религиозных реакций на социокультурные процессы в современном обществе возможно приблизиться к адекватному пониманию состояния и перспектив религии в современном мире.

Масштаб и характер присутствия тематики, адресующей к религии в современной государственной повестке, длительность (или краткосрочность) внимания государства к конкретным сюжетам, степень остроты реакции государства (или отсутствия таковой) на явления религиозного характера – это своего рода *индикаторы*, показывающие – *что* именно и *у кого* именно в религиозном сегменте современного общества вызывает или не вызывает публичный интерес, влечет озабоченность или безразличие, рождает намерение разобраться или желание отмахнуться как от бессмысленной траты сил, в конце концов – востребуется или, вопреки пропагандистскому навязыванию, отторгается.

Современный мир многообразен, исполнен мировоззренческого плюрализма, и при этом (ответствуя Питеру Бергеру) **ярко** *секулярен* – в том значении секуляризации, которое указывает на снижение мировоззренческой функции религии, на сведение компенсаторной функции

религии к приватно-значимой ритуалистике, на востребованность религиозной маркировки для самоидентификации без усвоения вероучительных смыслов религиозной традиции.

Зримое публичное присутствие религиозных маркеров не опирается на то, что является ядром любой религии – вероучительные концепции и конфессиональные картины мира. Так происходит, с моей точки зрения, именно потому, что исторически сложившиеся изощренные религиозные доктрины мало что объясняют современному последователю религии про его нынешнюю собственную жизнь.

Современный запрос на институционализированные религии, со ссылками на их историческую укорененность в поколениях и бывшее влияние, оказывается преимущественно инструментальным и исходит прежде всего от инстанций секулярного государства, вменяющих религии функции социально-нравственного регулятора, социального интегратора и стимулятора общественных процессов. В то же время, что действительно ожидается людьми при обращении к религии, так это вспомоществование на трудных путях повседневного бытия. При неоправданности такого ожидания возникает периодическое «переформатирование» настроений по поводу возможностей религиозных организаций (так называемая «бедная религия» по принципу «вера – это одно, а церковь – совсем другое»).

Для исследователей религии, с моей точки зрения, возникает вопрос: помогает ли что-то понять про текущую актуальную религиозную ситуацию погружение в доктринальный контент религий, в увлекательные глубины религиозной мысли и историю религиозных организаций?

Ответ не очевиден. Отрицательное «не помогает» побуждает к подозрению в профессиональной некомпетентности (дескать, что это за исследователи религии, если не видят существенного в вышеперечисленном). Но положительное «да, помогает, это необходимо» не защищает исследователя «сакральных глубин» от прозаической реальности, в которой массы приверженцев религии в лучшем случае довольствуются минимумом упрощенных знаний о своей традиции, и не всегда это адекватные знания.

Возвращаясь к заявленной гипотезе, в исследовательских целях предлагается основное внимание уделить изучению тех отношений по поводу религии, которые система современного светского государства допускает как приемлемые, а в каких-то случаях даже стимулирует. Государственные стратегии вполне можно рассматривать не как что-то внешнее для религии, а как более емкое явление, которое включает в себя стратегии религиозные, благодаря чему светское государство способно устанавливать относительно непротиворечивое рамочное пространство для одного из своих сегментов (то есть для религиозной части общества).

Аналитика религиозной современности, изучая эту замысловатую сферу, не обязана принимать тонкости конфессиональных доктрин, их вероучительную догматику за реальное состояние умонастроений верующих. Существенно более продуктивным может стать раскрытие секулярного

существования религий в современном обществе, где вероучительное не доминирует над светским, а в каких-то случаях и уступает мирским интересам.

Благодаря секуляризации религиозная среда, либо вынужденно, либо охотно, осваивает языки светской культуры и политики, говорит на этих языках и потому становится более понятной – причем не только для исследователей, но и для себя самой. Религии в современном мире доступны научному исследованию и пониманию именно благодаря продолжающейся секуляризации. Данный тезис на нынешнем этапе разработки указанного в начале статьи проекта является одним из теоретических оснований авторского подхода к исследуемой проблематике.

Библиографический список

1. Антонов К. М., Польсков К. О., Смирнов М. Ю. Секуляризация и постсекулярность (к дискуссии о современном научном аппарате исследования религий) // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 105. С. 138–154. DOI: 10.15382/sturI2023105.138-154; EDN: NAKDIA.

2. Апполонов А. В. Критические замечания о «постсекулярности» и «постсекулярном» // Религиоведческий альманах. М.: Изд. Воробьев А. В., 2016. № 1. С. 4–36. EDN: WZSZMR.

3. Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы / Под ред А. Белокобыльского, В. Левицкого. СПб.: ЛИТЕО, 2017. 288 с.

4. Денисова Л. В., Морозов А. А. Постсекуляризм в современной России: опасности и перспективы // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 100–109. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-8; EDN: OKWNQO.

5. Казанова Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы / Пер. с англ. А. И. Кырлежева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4 (36). С. 143–174. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-4-143-174; EDN: YVFMCT.

6. Каргина И. Г. Качественные изменения дискурса секуляризации в конце XX – начале XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 109–114. EDN: RVQDST.

7. Курилов В. А. Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX века). СПб.: РХГА, 2022. 344 с. EDN: DGGGLQ.

8. Оправдалась ли концепция постсекулярного? К 15-летию стамбульского доклада Ю. Хабермаса «Против воинствующего атеизма» // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 108. С. 115–152. DOI: 10.15382/sturI2023108.115-152; EDN: VGHWNK.

9. Руткевич Е. Д. О современном мире, (не) религиозном разнообразии и пост-секулярной перспективе // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 58–76. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-5; EDN: PFIPEY.
10. Синелина Ю. Ю. Концепции секуляризации в социологической теории. М.: ИСПИ РАН, 2009. 120 с. EDN: QOKKKJ.
11. Смирнов М. Ю. Перманентная секуляризация или постсекулярное общество? Современные трансформации религии в ракурсе исследовательской рефлексии // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. 2023. № 3. С. 134–152. DOI: 10.35231/18186653_2023_3_134; EDN: URLONB.
12. Узланер Д. А. Постсекулярный поворот: как мыслить о религии в XXI веке. М.: Ин-т Гайдара, 2020. 416 с.
13. Узланер Д. А. Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62–69. EDN: MNKOAP.
14. Хабермас Ю. Религиозное сознание постсекулярного социума / Пер. с нем. В. Витковский // Религиозное сознание в постсекулярном обществе / Под. ред. А. Бодрова, М. Толстолуженко. М.: ББИ, 2020. С. 1–5.
15. Berger P. Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed. Peter L. Berger. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999. P. 1–18.
16. Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 330 p.
17. Casanova J. Rethinking Secularization: A Global Comparative Perspective // The Hedgehog Review. 2006. Vol. 8. No. 1/2. P. 7–22. DOI: 10.1163/EJ.9789004154070.I-608.39.
18. Habermas J. Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy. 2006. Vol. 14. No. 1. P. 1–25. DOI: 10.1111/j.1468-0378.2006.00241.x
19. Habermas J. A “post-secular” society – what does that mean? 2008. September, 16. URL: <https://www.resetdoc.org/story/a-post-secular-society-what-does-that-mean/> (дата обращения: 24.06.2023).
20. Inglehart R. The Secularization Debate // Religion’s Sudden Decline: What’s Causing It, and What Comes Next? N. Y.: Oxford University Press, 2021. P. 37–45. DOI: 10.1093/oso/9780197547045.001.0001.
21. Stolz J. Secularization Theories in the 21st Century: Ideas, Evidence, Problems. Presidential Address // Social Compass. 2020. Vol. 67. No. 2. P. 282–308. DOI: 10.1177/0037768620917320.

Получено редакцией: 22.12.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии; профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2

Research of Religion in the Context of Modern Secularisation: Search for an Approach¹

Mikhail Yu. Smirnov

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Pushkin, Russia;

Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg, Russia

mirsnov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1749-3003

For citation: Smirnov M. Yu. Research of religion in the context of modern secularisation: search for an approach. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 13–27. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2; EDN: WHXFZF.

Abstract. The article examines some issues in the scientific debate about modern secularisation and post-secularity, which has been going on recently among Russian researchers of religion. As a participant in this discussion, the author accepts the discussed thesis about the need to revise some previous interpretations of religion and form new methodological guidelines that correspond to the real state of religious communities in the modern world. At the same time, the article criticises the use of references to the judgments of authoritative foreign researchers as a convincing argument to prove the reality of the so-called post-secular society. The author acknowledges that the idea of postsecularity can be one of the elements of scientific discourse about the modern transformation of religions. But this idea is not convincing when compared with refined theories of secularisation, that even today have sufficient empirical evidence. Turning to methodological issues, the author proposes a number of hypothetical provisions regarding the research approach to the modern state of religion. Particular attention is paid to two situations. The first of them, according to the author, is the determining influence on religious organisations of a modern secular state – in these conditions, the religious life of society is forced to integrate into state policy, becoming subordinate to the main goals of this policy. Therefore, the study must take into account, first of all, the secular context of the existence of religious associations. The second situation is related to the first; it consists in the marginalisation of the doctrinal content of religions and its noticeable replacement by external confessional markings as a sign of civic identity, with the diffusion of the doctrinal foundations of religious traditions. The author concludes that due to secularisation, the religious environment, either forced or willing, masters the languages of secular culture and politics, speaks these languages and therefore becomes more understandable – not only for researchers, but also for itself. For a scientific approach, this opens up the prospect of understanding the secular existence of religions.

Keywords: state and religious organisations, scientific research of religions, postsecularity, postsecular society, secularisation

References

1. Antonov K., Pol'skov K., Smirnov M. Secularisation and post-secularity (on the discussion about the modern conceptual framework of religious studies). *Vestnik PSTGU. Ser. I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 2023: 105: 138–154 (in Russ.). DOI: 10.15382/sturI2023105.138-154; EDN: NAKDIA.
2. Appolonov A. V. Critical remarks on “post-secularity” and “post-secular”. *Religiovedcheskij al'manakh*, 2016: 1: 4–3 (in Russ.). EDN: WZSZMR.
3. Watersheds of secularization: the Western civilization project and global alternatives. Ed by A. Belokobyl'skij, V. Levitskij. St. Petersburg, LITEO, 2017: 288 (in Russ.).
4. Denisova L. V., Morozov A. A. Post-Secularism in modern Russia: Dangers and prospects. *Nauchnyj rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2023: 9: 2: 100–109 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-8; EDN: OKWNQO.
5. Casanova J. Thinking about the post-secular: three meanings of the “secular” and three possibilities of going beyond it. Transl. from Eng. by A. I. Kyrlezhev. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2018: 36: 4: 143–174 (in Russ.). DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-4-143-174; EDN: YVFMCT.
6. Kargina I. G. Qualitative changes of secularization discourse at the turn of the 21st century. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014: 1: 109–114 (in Russ.). EDN: RVQDST.

¹ This research was funded by RSF, project no. 24-28-00272.

7. Kurilov V. A. The Soviet Secularization model: freedom of conscience political and legal regulation in the USSR (the second half of the 20th century). St. Petersburg, RKhGA, 2022: 344 (in Russ.). EDN: DGGGLQ.
8. Is the concept of the post-secular justified? On the 15th anniversary of J. Habermas' Istanbul report "Against military atheism". *Vestnik PSTGU. Ser. I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 2023: 108: 115–152 (in Russ.). DOI: 10.15382/sturI2023108.115-152; EDN: VGHWNK.
9. Rutkevitch E. D. On current world, (non-) religious diversity and a post-secular perspective. *Nauchnyj rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2023: 9: 2: 58–76 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-5; EDN: PFIPEY.
10. Sinelina Yu. Yu. Kontseptsii sekulyarizatsii v sotsiologicheskoy teorii [Secularization concepts in sociological theory]. Moscow, ISPI RAN, 2009: 120 (in Russ.). EDN: QOKKKJ.
11. Smirnov M. Yu. Permanent secularization or post-secular society? Modern transformations of religion in the perspective of research reflection. *Vestnik LGU imeni A. S. Pushkina*, 2023: 3: 134–152 (in Russ.). DOI: 10.35231/18186653_2023_3_134; EDN: URLOHB.
12. Uzlaner D. A. The post-secular turn: how to think about religion in the 21st century. Moscow, In-t Gajdara, 2020: 416 (in Russ.).
13. Uzlaner D. A. Sovetskaya model' sekulyarizatsii [Soviet secularization model]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010: 6: 62–69 (in Russ.). EDN: MNKOAP.
14. Habermas J. The religious consciousness of a post-secular society. Transl. from Germ. by V. Vitkovskij. In *Religious consciousness in a post-secular society*. Ed. by A. Bodrov, M. Tolstoluzhenko. Moscow, BBI, 2020: 1–5 (in Russ.).
15. Berger P. Desecularization of the World: A Global Overview. In *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Ed. by Peter L. Berger. Grand Rapids, William B. Eerdmans Publishing Company, 1999: 1–18.
16. Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. Chicago, University of Chicago Press, 1994: 330.
17. Casanova J. Rethinking Secularization: A Global Comparative Perspective. *The Hedgehog Review*, 2006: 8: 1/2: 7–22. DOI: 10.1163/EJ.9789004154070.I-608.39.
18. Habermas J. Religion in the Public Sphere. *European Journal of Philosophy*, 2006: 14: 1: 1–25. DOI: 10.1111/j.1468-0378.2006.00241.x
19. Habermas J. A 'post-secular' society – what does that mean? (16 September 2008). Accessed 24.06.2023. URL: <https://www.resetdoc.org/story/a-post-secular-society-what-does-that-mean/>
20. Inglehart R. *The Secularization Debate*. In *Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and What Comes Next?* New York, Oxford University Press, 2021: 37–45. DOI: 10.1093/oso/9780197547045.001.0001.
21. Stolz J. Secularization Theories in the 21st Century: Ideas, Evidence, Problems. Presidential Address. *Social Compass*, 2020: 67: 2: 282–308. DOI: 10.1177/0037768620917320.

The article was submitted on: December 22, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Yu. Smirnov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of philosophy department; of the Department of Philosophy, Religious Studies and Pedagogy